
ПАМЯТЬ И ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.111

DOI: 10.31249/hoc/2024.03.06

Попова И.Ю.*

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ПАМЯТИ В РОМАНАХ ГРЭМА СВИФТА®

Аннотация. В статье изучается тема памяти, ее типы и функции в романах известного британского писателя Грэма Свифта. Интерес к феномену памяти очевиден во всех его сюжетах, настоящее время которых часто обогащают воспоминания персонажей. Наша цель – показать использование писателем различных типов памяти, таких как индивидуальная, коллективная, историческая, живая, культурная, литературная, и то, как они взаимодействуют. Мы также рассматриваем образы «хранилищ» и «хранителей» памяти в его романах.

Ключевые слова: Грэм Свифт; типы памяти; сюжет; история; «резервуары памяти».

Поступила: 29.04.2024

Принята к печати: 03.06.2024

Для цитирования: Попова И.Ю. Типы и функции памяти в романах Грэма Свифта // Вестник культурологии. – 2024. – № 3(110). – С. 107–117. – DOI: 10.31249/hoc/2024.03.06

** Попова Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва; irapo@mail.ru*

Popova Irina Yurievna – PhD in Philology, Assistant Professor of the World Literature Department of the Faculty of Philology at the Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow; irapo@mail.ru

© Попова И.Ю., 2024

Popova I.Yu.

Types and functions of memory in Graham Swift's novels

Abstract. The paper reviews the novels by the famous British author Graham Swift, focusing on the way he treats memory. His concern with the phenomenon runs throughout his works, his storylines being often enriched by memories. We aim at showing his employment of various types of memory, such as individual and collective, historic and historical, as well as live, cultural and literary – they all interact in his novels. We also consider Swift's attention to the storage places and custodians of memory.

Keywords: Graham Swift; types of memory; story; history; storage places of memory.

Received: 29.04.2024

Accepted: 03.06.2024

For quoting: Popova I.Yu. Types and functions of memory in Graham Swift's novels // Herald of Culturology. – 2024. – No. 3(110). – P. 107–117. DOI: 10.31249/hoc/2024.03.06

Грэм Свифт (Graham Swift, р. 1949) – одна из ключевых фигур в современной британской литературе, автор одиннадцати романов, а также рассказов и мемуарной прозы. Во всех его романах память – разные ее типы и возможные варианты – выполняет важную, нередко сюжетообразующую функцию. Начав в 1980 г. с романа «Хозяин кондитерской» (*Sweet Shop Owner*), Свифт сразу делает главной темой индивидуальную память – здесь это память о длинной супружеской жизни человека, умирающего от сердечного приступа и ожидающего приезда дочери. Здесь и сейчас сюжета «Хозяина кондитерской» – одно и то же место и одно и то же время, однако эти, можно сказать, классицистические единства нарушаются работой памяти, главный сюжет выстраивает память героя: это ретроспектива его жизни, а не настоящее время, в котором он может лишь пассивно ждать. В более позднем творчестве единство времени станет характерным приемом Свифта, или, иначе говоря, роман одного дня (в английской критике – *a one-day novel*) будет его любимой формой, при этом неизменны нарушения этого единства и преодоление этой формы с помощью работы памяти. Индивидуальная память играет важную роль в большин-

стве романов писателя, только далее она будет осложняться переплетением с другими типами памяти и с настоящим временем сюжета.

Иной тип памяти, помимо индивидуальной, Свифт вводит уже во втором своем романе, «Волан» (*Shuttlecock*, 1981). Это коллективная память о Второй мировой войне и о действиях прославленного английского связного Волана на территории оккупированной Франции¹. Однако все оказывается не так просто. Форма романа – сюжет в сюжете. Внутренний сюжет – из книги самого Волана о его совершенно героическом побеге из гестаповской тюрьмы. Его память сохранила яркие детали, почти невозможные и все же возможные. По сути, индивидуальная память Волана стала благодаря его книге частью коллективной памяти о войне, о поддержке английскими союзниками французского Сопротивления. Во внешнем сюжете, помещенном в «настоящее время», сын героического Волана, простой негероический клерк, узнает непроверенную версию: его отец не сбежал, а выкупил свою свободу у гестаповцев, выдав французских товарищей.

Сын Волана работает в Архиве Нераскрытых Дел – мы сталкиваемся с в дальнейшем повторяющимся у Свифта в различных модификациях образом «резервуара памяти»: это и весь Архив, в обрисовке которого писатель предсказал свое прославившееся в скором будущем умение создавать фантасмогории; это и отдельные архивные папки. Папку с делом Волана – возможно, не героя, а предателя – главный архивариус и сын Волана вместе сжигают. Не всякая память во благо.

Третий роман, «Земля воды» (*Waterland*, 1983), Свифта по настоящему прославил, и, главное, он сам понял, что как писатель состоялся. В этом романе уже совершенно очевидна его поглощенность тем, насколько реальна историческая память, и тем, как соотносятся индивидуальная и коллективная память. Уже в «Волане» была введена фигура архивариуса как хранителя «хранилища», или «резервуара» памяти. В «Земле воды» подобный «хранитель» – учитель истории. Большая часть сюжета – это внутренние монологи учителя, которые он в своем воображении обращает к детям. Начинаются монологи, как правило, с упоминания Французской революции конца XVIII в. – это запланированная тема урока. Думается, функция этого упоминания в сюжете романа – лишь напомнить, что есть история мирового мас-

¹ О коллективной памяти см., напр.: [Halbwachs, 1980].

штаба, и в сокровищнице памяти мало-мальски образованного человека, тем более – историка, она существует как часть коллективной памяти. Коллективная память о «водоземье» хранит события нескольких веков, начиная со времен индустриальной революции. Однако не только пересечения индивидуальной и коллективной памяти интересуют Свифта. В «Земле воды» он впервые подвергает сомнению достоверность коллективной памяти (в отличие от «Волана», где коллективная память сама по себе достоверна, просто, увы, может довериться ложной информации и инкорпорировать отдельные, возможно, фейковые воспоминания). В «Земле воды» есть прямое свидетельство неполноценности коллективной памяти: история местной сумасшедшей и ясновидящей. XIX век, она – красавица, муж-ревнивец ударил ее, и она навсегда потеряла рассудок, но и почиталась как пророчица. Вправду ли она утратила психическое здоровье или симулировала сумасшествие, опасаясь повторного буйства мужа? Ответа на этот вопрос коллективная память не дает. В романе также приводится якобы сохранившаяся в коллективной памяти обитателей Фенов история «Коронационного эля», якобы изобретенного местной пивоварней в честь реального исторического события, восхождения на престол Георга V. Дар к созданию фантазмагии в этой истории Свифт проявил блестящий, однако нам важно сейчас подчеркнуть проиллюстрированную здесь мысль о ненадежности коллективной памяти.

В следующем романе «Вне этого мира» (*Out of This World*, 1988) Свифт опять демонстрирует всепоглощающий интерес к тому, как мы можем быть уверены в реальности нашей памяти и, следовательно, в реальности истории. И этот интерес оказывается весьма в духе времени: 1980-е годы в британской литературе – расцвет постмодернизма с его важнейшим теоретическим тезисом об исчезновении реальности, который подтверждается, в частности, и отсутствием истории (мы ведь не можем быть уверенными в достоверности нашей памяти, и уж точно свидетельства нашей памяти часто не совпадают со свидетельствами памяти других людей). Во «Вне этого мира» два повествователя, чередуются два нарратива – отца и дочери, причем повествования дочери – это монологи, произносимые ею на приемах у психотерапевта. Отец – знаменитый фотограф, большую часть своей жизни посвятивший горячим точкам планеты: так в сюжет романа входит большая история, в частности – денацификация Германии (он фотографирует

горы трупов и едва живых полутрупов в освобожденных нацистских лагерях) и Нюрнбергский процесс (он фотографирует нацистских преступников), в частности – война во Вьетнаме (он фотографирует жертв напалма). И герой все чаще задается вопросом: а имел ли он право фотографировать последний ужас и делать частью коллективной памяти то, что, возможно, должно остаться лишь в памяти индивидуальной? Дочь же не может простить отцу-фотографу, что, когда террористы или борцы за разоружение взорвали машину их соответственно деда и отца – оружейного магната, фотограф побегал не к месту взрыва, а туда, откуда искореженную машину эффектно фотографировать. В этом романе присутствует и живая индивидуальная память о большой истории. Это Первая мировая война, на которой погиб блестящий многообещающий юный ученый, благодаря чему его брат, согласно сюжету романа, и решил производить оружие. Это уже упомянутые Вторая мировая война и ее последствия, война во Вьетнаме, война за Фолклендские острова в 1982 г. В этом романе также люди разных поколений оглядываются на профессиональную деятельность своих предков, при этом индивидуальная память героев не может не зависеть от их возмущенного неприятия и негодования, поэтому заведомо расценивается как необъективная. Наконец, подчеркнем, в романе «Вне этого мира» вводится третья у Свифта профессия «хранителя памяти» – профессиональный фотограф. А фотография получает статус «резервуара памяти».

В романе «Долго и счастливо» (*Ever After*, 1992) герой – университетский профессор пытается, во-первых, по отдельным разрозненным воспоминаниям реконструировать память о своей жизни и, во-вторых, «вспомнить» жизнь своего прапрадеда, ученого середины XIX в. Фактическим материалом для него являются записи пращура – наряду с архивами и фотографиями в творчестве Свифта появляется еще один естественный «резервуар памяти»: записные книжки, дневники, письма. В связи с темой восстановления памяти важно то, что в этом романе герой-интеллектуал постепенно приходит к осознанию ненадежности даже самого что ни на есть фактографического материала, который неизбежно будет окрашен субъективным видением и прочтением потомка. Искажение ли это фактов? Точнее сказать, что факты становятся одновременно равными и неравными самим себе.

«Последние распоряжения» (*Last Orders*, 1996) – пожалуй, самый прославленный роман Свифта, за него он в 1996 г. получил Букеровскую премию. Впервые после «Хозяина кондитерской» писатель возвращается к роману одного дня, т.е. к единству времени (конечно, кающемуся, о чем ниже), и далее эта форма будет им использована в четырех последующих романах, уже XXI в. Единство места в «Последних распоряжениях» неоднозначно. С одной стороны, персонажи – друзья и приемный сын умершего человека – находятся большую часть времени в одном микроавтобусе. С другой стороны, они едут из Лондона в Маргейт, приморский городок, с пирса которого покойный завещал развеять его прах в море. Кроме того, по дороге они делают две значимые остановки и посещают, неся с собой урну с прахом, два важных «резервуара» коллективной памяти (здесь точно не будет ошибкой назвать эту память также исторической, национальной, культурной¹): Военный мемориал в Четэме – усопший и его пожилые друзья участвовали во Второй мировой; и Кентерберийский собор с его уходящими далеко в глубь веков памятниками, гробницами и письмами. С еще большей ясностью, чем в ранних романах, Свифт здесь задается вопросом об отношениях между индивидуальной памятью и личными историями, с одной стороны, и коллективной памятью и событиями большой истории – с другой². В связи с этим небезразлично и место окончания пути персонажей, Маргейт. На этот находящийся недалеко от Лондона морской курорт персонажи когда-то могли вывозить на один день своих и соседских детей. На этот в 1950-е годы недорогой курорт, более того, самого Свифта ребенком вывозили родители. Однако Маргейт – место и коллективной исторической памяти: во Вторую мировую войну именно здесь вероятнее всего ожидалась высадка немцев, и в детстве Свифта в море еще сохранялись железобетонные заграждения против морской пехоты.

В отличие от других романов писателя, «Последние распоряжения» расширяют события одного дня воспоминаниями не одного персонажа, а всех участников похоронной поездки и не участвующих в ней женщин. Все вместе эти голоса-воспоминания составляют коллективную память группы друзей и соседей, объединенных долгой жиз-

¹ О разных типах памяти см., напр.: [Theories of Memory ... , 2007].

² См. также: [Ассман, 2004].

нию в одном районе Лондона, Бермондси. Единство группы писатель акцентирует, воспроизводя особый диалект этого исторического «Затемзоречья». Персонажей также объединяет время: Вторая мировая война и полвека повседневной жизни после нее. Что, однако, выступает на первый план в памяти участников войны? Нечто весьма мирное, лирическое или смешное, а потому оставшееся в индивидуальной памяти и не ставшее частью памяти коллективной. Так, например, один из друзей помнит, как увидел фотографию юной жены своего однополчанина и влюбился сразу и на всю жизнь. Другой пример: решили в Африке развлечься и пошли в публичный дом – и далее комичнейшая, гротесковая, фантазмагоричная сцена, сохранившаяся в индивидуальной памяти персонажа, важная лишь для его личной жизни потеря девственности.

А что выступает на первый план в памяти о повседневности? Как и в ранних романах, особенно в «Земле воды», Свифт – великий умелец вообразить и воспроизвести необычное в обычном. Необычность при этом может быть достаточно эксцентричной и иногда на грани черного юмора. Так, один из друзей, владелец фирмы ритуальных услуг, вспоминает, что как-то раз у него было столько клиентов, что самому было не справиться, и он побежал за помощью в лавку соседямясника, и тот согласился: привык ведь и умел обрабатывать трупы.

В «Последних распоряжениях» впервые у Свифта проступает явно еще один тип памяти, собственно литературной, известной как интертекстуальность¹. Не только топоним Маргейт, помимо упомянутого выше, еще и интертекстуальный сигнал, отсылка к «Бесплодной земле» Т.С. Элиота («В Маргейте возле пляжа», пер. А. Сергеева). В форме «Последних распоряжений» есть настолько очевидные отсылки к «Когда я умирала» Фолкнера, что один профессор литературы даже попробовал обвинить писателя в плагиате. Свифта поддержало писательское сообщество. Однако вопрос о том, как отделить плагиат от интертекстуального диалога, остается в теории неразрешенным – и одно и другое есть реализация культурной памяти².

¹ Об интертекстуальности как о подтипе памяти литературы см.: [Erl, Nunning, 2005].

² О культурной памяти см. также, напр.: [Кособуцкая, 2017; Lachmann, 2004].

Следующий после «Последних распоряжений» роман «Свет дня» (*The Light of Day*, 2003) появился семь лет спустя (обычно промежутки между романами у Свифта составляют четыре-пять лет). Начиная с этого романа, исключая последний «Вот так» (*Here We Are*, 2020), проблемы памяти утрачивают самостоятельность, индивидуальная память служит лишь приемом для раскрытия главной, выступающей теперь на первый план темы любви. Правда, постоянный интерес писателя к вопросам памяти реализуется в начале нового тысячелетия в сборнике автобиографической прозы «Делать слона» (*Making an Elephant*, 2010).

Сюжет «Света дня» укладывается в один день, его границы раздвигаются за счет памяти главного героя, частного детектива, о том, что происходило в его жизни (потерпевший крушение брак, сложные отношения с дочерью). Однако главными для настоящего времени и намечающегося будущего являются его воспоминания о новой, поздней любви и трагедии, произошедшей с любимой женщиной. При этом герой не только вновь и вновь перебирает в памяти события фатального дня, но и пытается вообразить, как все могло бы произойти иначе [Winnberg, 2003]. Фоном для этой индивидуальной памяти является история эмиграции в Англию после революции 1848 г. Наполеона III и долгого вдовства Евгении Монтихо, бывшей императрицы. Как и в случае с упоминаниями Французской революции XVIII в. учителем истории в «Земле воды», здесь значим не конкретно этот исторический фон, значимо напоминание об иных исторических масштабах и о существовании коллективной исторической памяти. Отметим в этом романе и еще одну интересную деталь: герой думает о том, что надо бы установить на скамейке в парке рядом с табличкой в память о его отце такую же в память о матери – распространенный в Англии обычай и удачно найденный Свифтом «резервуар памяти».

Роман «Завтра» (*Tomorrow*, 2007) – по сути один напряженный внутренний монолог героини в течение бессонной ночи накануне решающего для ее семьи признания. Одна ночь расширяется за счет памяти о всей ее жизни и любви к мужу и детям. Индивидуальная память, как и повсюду у Свифта, переплетается с коллективной памятью, главный памятный период здесь – 1960-е годы, время молодежных движений и сексуальной революции, катализатором которой явилось введение в обиход противозачаточных таблеток.

В романе «Вот бы ты была здесь» (*Wish You Were Here*, 2011) сын потомственных фермеров, ныне владелец летнего лагеря из вагончиков на острове Уайт стоит у окна и смотрит на дорогу, ведущую от парома, ожидая приезда жены и визита полиции. Его индивидуальная память — о повседневности его и жены детства на соседних фермах, о редком счастье нескольких дней на море в лагере из вагончиков, о страшной смерти отца. Частью коллективной памяти становятся его воспоминания о возвращении живых и мертвых героев с войны в Ираке.

«Материнское воскресенье» (*Mothering Sunday*, 2016) — первый роман Свифта, в котором отсутствуют здесь и сейчас, современные написанию, а также нет индивидуальной памяти, состоящей из воспоминаний персонажа. Роман написан от 3-го лица и помещен в один день 1924 г., значимый в судьбе молодой служанки: она проводит утро наедине с сыном соседей-землевладельцев, в которого влюблена; днем она узнает о его гибели в автокатастрофе; вечером она интенсивно читает. В финале сообщается, что она стала писательницей и прожила долгую жизнь, никому не рассказав о своих отношениях с погибшим молодым человеком. Правда, допустим вопрос: а не она ли «автор» этого романа? И еще вопрос: можно ли считать этот роман историческим? В нем нет исторических деятелей и действий, но как фон присутствует Первая мировая война, с которой не вернулись юноши из окрестных семей.

Как исторический с оговоркой (отсутствие исторических деятелей) можно рассматривать и последний пока что роман писателя «Вот так». Главное действие происходит в 1959 г. в курортном Брайтоне, центральная локация — приморский театр варьете. Один из трех главных персонажей вспоминает войну и эвакуацию детей подальше от бомбежек, в английскую глубинку, где в приютившей его семье был обучен искусству иллюзиониста. В конце романа героиня вспоминает произошедшее в 1959 г., особенно в кульминационный для сюжета день. Здесь, как и ранее у Свифта, в наслоениях памяти индивидуальная пересекается с исторической коллективной.

В заключение подчеркнем, что нами осознается отсутствие окончательного единства по поводу базовых концепций изучения памяти¹. Мы стремились тем не менее последовательно в конкретных смыслах

¹ См. об этом: [Переходцева, 2012] и др.

использовать наиболее общепринятые понятия и соответствующие им термины. Индивидуальная память – это память о прошлом одного человека и его близких; она не известна тем, кому не известна жизнь этого человека, его семьи и близких друзей. Коллективная память – это память общества, социальной группы, просто большой группы людей. Коллективную память мы далее конкретизируем как историческую, когда речь идет о событиях мирового масштаба. Коллективную память мы конкретизируем как культурную, когда это память носителей культуры, направленная на сохранение смыслов последней [Асман, 2004]. Живая память – память ныне живущих или переданная им свидетелями и очевидцами тех или иных событий, а не полученная исключительно из письменных свидетельств; живая память может быть как индивидуальной, так и коллективной. Литературная память использована нами в смысле «интертекстуальность» (хотя может связываться и с жанром, и с каноном [Erl, Nunning, 2005]). Исторический роман – один из жанров памяти [Erl, Nunning, 2005]. Воспоминания – отдельные единичные конкретные проявления памяти. «Резервуары», или «хранилища памяти» – места, вокруг которых формируется коллективная память. Соответственно, «хранители памяти» – те, кто сохраняют или поддерживают «резервуары памяти». Подчеркнем также, что в романах Грэма Свифта упомянутые типы памяти находятся в тесной связи и взаимодействуют.

Список литературы

Асман Ян. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

Кособуцкая Н.Ю. Концептуальное наполнение феномена «Культурная память» // Вестник культуры и искусства. – 2017. – № 3(51). – С. 99–104.

Переходцева О.В. Концепции памяти в современном западном литературоведении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып. 1(17). – С. 157–164.

Erl A., Nunning A. Where Literature and Memory Meet: Towards a Systematic Approach to the Concepts of Memory Used in Literary Studies // Literature, Literary History and Cultural Memory / ed. by Herbert Grabes. – Tübingen : Nar, 2005. – Vol. 21. – P. 261–294.

Halbwachs M. *The Collective Memory*. – New York : Harper&Row Colophon Books, 1980 [1950]. – 182 p.

Lachmann R. *Cultural Memory and the Role of Literature*. – 2004. – URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html [дата обращения 15.02.2024].

Theories of Memory: A Reader / ed. by M. Rossington, A. Whitehead. – The John Hopkins University Press, 2007. — 310 p.

Winnberg J. *An Aesthetic of Vulnerability: The Sentimentum and the Novels of Graham Swift*. – Gothenburg : Acta Universitatis Gothoburgensis, 2003. – 210 p.

References

Assmann, Jan. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writings, Memory of the Past and Political Identity in High Ancient Cultures], translated from German by M.M. Sokolskaja. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.).

Kosobutskaja, N.Yu. *Konceptual'noe napolnenie fenomena "Kul'turnaya pamyat'"* [The Conceptual Content of the "Cultural Memory" Phenomenon]. In *Vestnik kul'tury i iskusstva*, no 3(51), 2017, pp. 99–104. (In Russ.).

Perekhodtseva, O.V. *Koncepcii pamyati v sovremenном zapadnom literaturovedenii* [Concepts of Memory in Contemporary Western Literary Criticism]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*, issue 1(17), 2012, pp. 157–164. (In Russ.).

Erll, A., Nunning, A. *Where Literature and Memory Meet: Towards a Systematic Approach to the Concepts of Memory Used in Literary Studies*. In *Literature, Literary History and Cultural Memory* / ed. By Herbert Grabes. Nar, Tubingen Publ., Vol. 21, 2005, pp. 261–294.

Halbwachs, M. *The Collective Memory*. NY., Harper&Row Colophon Books Publ., 1980 [1950]. 182 p.

Lachmann, R. *Cultural Memory and the Role of Literature*, 2004. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory_Lachmann.html [accessed: 15.02.24].

Theories of Memory: A Reader. Ed. by M. Rossington, A. Whitehead. The John Hopkins University Press Publ., 2007. 310 p.

Winnberg J. *An Aesthetic of Vulnerability: The Sentimentum and the Novels of Graham Swift*. Gothenburg, Acta Universitatis Gothoburgensis Publ., 2003. 210 p.